

Майя Гуглин
ПО ЧУЖИМ ПРАВИЛАМ ИГРЫ
Одиссея российского врача в
Америке

ГЛАВА 1

В ПЕРВЫЙ РАЗ

Я была в Америке две недели — с 4 по 18 июня 1994 года. Эта поездка случилось неожиданно. За границу хотелось давно — с тех пор как за восемь лет до этого побывала в ГДР, но не выходило: сначала путевки были дефицитны, потом все стало очень дорого. Но английским я потихоньку занималась и ходила в городской английский клуб. Там собирались ребята, которые когда-то учили язык и не хотели забывать. Разговаривали в основном друг с другом, но иногда, когда в город приезжали иностранцы и остальным организациям: народной дипломатии, обществу борьбы за мир и т. д. — уже нечего было с ними делать, нам разрешали пригласить их на вечер к себе в клуб: напоить чаем и поговорить по-английски.

Год назад к нам таким образом попал старичок из американского города Кливленда, побратима Волгограда. Старичок был колоритный: по слуховому аппарату в каждом ухе, два больших деревянных креста на груди, засыпал прямо за столом. Его звали Ховард. Он возглавлял общество дружбы «Кливленд — Волгоград». Я ему понравилась, и он подарил мне — единственной —

великолепный Вебстеровской словарь (а может быть у него сложилось впечатление, что мне полезнее всех подучить английский). Я рассыпалась в благодарностях, ему явно было приятно и он спросил: не хотела бы я побывать в Штатах.

— Не все ли равно хочу я или нет, — сказала я, — с таким же успехом можно хотеть слетать на Луну.

За последние годы, когда все стали повсюду ездить, у меня неоднократно что-то такое намечалось и неизменно срывалось. На работе мне говорили: «Это было, когда ты собиралась в Бельгию, или в Польшу, или в Венгрию».

В Бельгию я собиралась ехать осваивать медицинскую аппаратуру по ходатайству местного священника. Он искал доктора: с английским или французским языком, мужчину, женатого, и православного. В поисках он обратился за советом к своему врачу, которая оказалась мамой моей подруги. За несколько дней ей удалось убедить его, что ему вполне подойдет незамужняя атеистка еврейского происхождения. Я собирала документы, писала письма, отправляла факсы и разглядывала карту Бельгии. Наконец он попросил перевести выписку из его истории болезни, чтобы он с ней поехал в Бельгию лечиться. Поскольку он страдал хроническим колитом, лечиться туда его не взяли, сказав, что с такой болезнью они в больницы не

кладут. После этого все как-то забылось. Некоторое время спустя он прославился своей политической активностью, голодовками в знак протеста, пострижением в монахи и антисемитскими выпадами.

В Польшу я собиралась, когда только-только начинались коммерческие поездки челноков. Вся больница советовала, что брать туда на продажу. Я покупала кипятильники, электрогрелки и игрушки. Накануне отъезда туристическая фирма, продавшая мне путевку, объявила себя несостоятельной. Они не смогли вовремя оформить визы. Дома несколько лет валялись заводные мышки и лягушки.

В Венгрию я хотела поехать с христианской молодежью. Не было билетов. И так далее.

Через полгода после визита Ховарда мне позвонили из горздравотдела. В администрацию города пришло приглашение из Кливленда: они готовы принять делегацию из трех врачей, причем переводчиком и одной из этих троих просят направить меня. Я не буду возражать? Может быть у меня другие планы? Дорогу до Вашингтона и обратно должен оплатить горздравотдел, все остальные расходы берет на себя американская сторона. Карманных денег не обещают. Возражать я, как ни странно, не стала, но на всякий случай не поверила: в Америку, на две недели, бесплатно — и чтобы на мое место не нашлось других желающих.

Тем более, что двух других членов делегации нашли, не выходя за стены горздрава: заместителя заведующего (у самого заведующего уже была запланирована месячная поездка в другой город США) и главного терапевта города. Так я оказалась в роли девочки-переводчицы при двух начальственных дамах.

С деньгами у администрации было туго. Но через несколько недель выяснилось, что все-таки едем. Сначала в Москву за визами. Очередь к посольству — на улице под дождем с половины восьмого утра. Наконец вошли в ангарчик — пристройку. Охранники проверили сумки, просветили нас. Полно народу — все за гостевыми визами. Кто на постоянное место жительства — отдельно. На стене крупно объявление по-русски «Во время собеседования постарайтесь доказать консулу, что у вас достаточно прочные родственные имущественные и финансовые связи на родине, которые будут гарантировать ваше возвращение». За окошком парень-американец пишет левой рукой, проверил что-то — и нас в другую очередь, на собеседование. Как всегда вокруг масса разговоров: того не пустили, этого тоже. Мои спутницы проходят без затруднений, у обеих здесь дети, значит не сбегут. Подхожу к окошку. Девушка-консул говорит по-русски с акцентом:

— С кем живете?

— С отцом.

— Дети есть?

— Нет.

— Подождите. Я должна посоветоваться.

Ушла, четыре минуты не было, а у меня сердцебиение: сейчас вот не пустят в Америку и сказать нечего. Вернулась:

— Завтра в четыре приходите за визой.

Еду!

Пошла гулять по Москве. После дождя светило солнце, стояла радуга, я покупала бананы и мороженое, зашла в Макдональдс на Тверской — поздороваться с Америкой. Взяла гамбургер, фанту со льдом, посидела на улице. Рядом с кафе расположился фотограф с шимпанзе. Подошли два парня: смотри, обезьяна, давай ей «Сникерс» купим! Дали обезьяне шоколадку, она взяла в лапу, развернула, ест. Фотограф упрекает: что же ты, пожми дяде ручку. Шимпанзе подошла к парню, протянула лапу, пожалала. Фотограф ей опять: поцелуй дядю в щечку! Поднес её к лицу парня, она вытянула губы трубочкой, чмокнула. Вот и мы так же будем. Дунька в Европе, она же Майка в Америке.

Наконец получили визы. Приехали в Шереметьево-2. Таможенная декларация: везете ли оружие? Наркотики? Произведения искусства?

Написали — что нет. Интересно кто-нибудь когда-нибудь писал «да»?

Рейс Москва-Вашингтон, летят школьники, студенты, в основном не в первый раз. А мне уже за тридцать, и то повезло. Самолет Аэрофлота. Но как проходишь, начинается граница. Столик с газетами. Над каждым креслом клетчатые пледы. Как только набрали высоту — по проездам поехали столики: что будете пить? Вино, пиво, кола, пепси, спрайт, лимонад? Вино! Красное или белое? Белое! За успешный полет! Выпили, закусили подсоленными орешками. Опять столик везут: что будете пить? Вино! Красное или белое? Красное! За то, чтобы не в последний раз! Потом начали кормить. Сначала горячая влажная салфетка, чтобы протереть руки. Потом поднос с едой. Какой-нибудь простенький салатик — морковка с изюмом, горячее — курица с горошком, булочка, плавленый сырок, пирожное, чай или кофе — и так трижды за дорогу. Начинаем привыкать к апельсиновому соку, соленым орешкам и напиткам со льдом.

Промежуточная посадка в Шенноне. Ирландия. Вышли в аэропорт. Первый кусок иностранной земли. Неуловимо меняется толпа. Появились чернокожие, смуглые (пока немного). Появились хасиды: черная одежда, черные шляпы. Первый капиталистический магазин, цены в ирландских фунтах. Хожу, смотрю, спрашиваю, что

сколько стоит в долларах: пробую свой английский. Вроде понимают. Мой советский английский... в нашей специализированной школе с углубленным изучением английского была одна учительница, которая один раз в жизни на одну неделю ездила в Англию. Она считалась непререкаемым авторитетом не только среди школьников, но и учителей. Как же, разговаривала с истинными носителями языка! Ни фильмов, ни телевидения, ни книг по-английски не было — железный занавес. И ничего, научили...

Летим дальше. А день длинный-длинный: мы летим за солнцем и оно все время стоит в зените. Под нами облака, потом Атлантический океан, потом кто-то закричал, как матрос на корабле Колумба: «Земля!» и это была уже Америка. Сели в Вашингтоне. Летели 13 часов, а солнце по-прежнему высоко. Жара. Толпа еще пестрее, теперь добрая половина — черные. Теперб надо следить за собой, чтобы не сказать «негры». По-русски- нормальное слово, а здесь — оскорбление — надо говорить «черные», а еще лучше «афроамериканцы».

Взяли чемоданы, пошли. Кругом стоят тележки — для багажа. Может повезем на тележке? Ничего, донесем, русские женщины могут все! А чемоданы тяжелые, в них подарки: бутылки, коробки конфет. Смотрим: мы единственные, кто

тащит багаж в руках, у всех или тележки, или чемоданы на колесиках. Одумались, нагрузили тележку, повезли.

Нас сопровождал Ховард, мой кливлендский благодетель. Он приезжал в Волгоград по делам общества, и летел с нами из Москвы одним рейсом. Прямо в аэропорту он взял машину напрокат. Нас привезли на стоянку в микроавтобусе, наша машина уже стояла с открытым багажником и ключем в зажигании. Час езды до другого аэропорта. Первая американская дорога (потом они были каждый день, все одинаковые). Отличия от наших: не пахнет выхлопными газами, тихо, дорога гладкая, машина наглухо закрыта, работает кондиционер, все машины едут в одну сторону в три ряда, навстречу — другие три ряда. И система указателей единая по всей стране, очень удобная, в ней начинаешь ориентироваться через несколько часов.

Новый аэропорт, новый самолет. Время в полете — час. И снова: апельсиновый сок, орешки, кола. При посадке — никаких паспортов, при получении багажа — никакого контроля. А солнце только начинает садиться. Прилетели, встретились с семьей, где нам предстояло жить две недели, приехали к ним в Оберлин — городок в часе езды от Кливленда. И наконец наступила ночь.

Дом в котором мы жили, снаружи не производил никакого впечатления — одноэтажный,

длинный, из досок. Как только заходишь внутрь возникает ощущение ты попал в роман Голсуорси. Простор — комната огромная — ковровое покрытие, что-то на стенах, дерево, шелковые занавески, жалюзи. И ощущение чистоты и хорошего вкуса. Хозяева — пожилая пара, Марджори и Флойд, им лет по 70, у них четверо детей и семь внуков, все живут далеко. Поэтому они продали свой большой дом, и купили этот скромный — на двоих. В доме три спальни, три ванных комнаты, и огромная гостиная, в одном из концов которой стоит обеденный стол. Дальше — плавный переход в кухню. Под всем этим — такой же площади подвал, там тоже спальня, ванна, тренажеры, компьютер.

На кухне микроволновая печь, электрическая плита, посудомоечная машина. Я как-то спросила хозяйку, сколько времени она моет посуду. Она ответила, что не знает: они её включают, и идут спать, а машина сама как все сделает, выключается. Её — машины — проблемы. Спальня — это спальня. Использовать ее, как у нас, в качестве жилой комнаты или для приема гостей невозможно. Там две кровати, в которых спят или читают перед сном, шкаф для одежды, полки с книгами. В гостиной тоже достаточно чопорно — на диване можно сидеть, но не валяться. Хозяева наши — дальние потомки англичан, у Флойда в роду были

еще немцы. К нам они выходили только в той одежде и обуви, в которых можно выйти на улицу. В доме никто не переобувается, не вытирает ноги, когда заходят с улицы, и все время чисто. Потом я выяснила, что пылесосят они раз в неделю.

Сад — это подстриженный газон, редкие грядки с цветами, одна — с клубникой. Кормушки для птиц, из которых едят и белки, и отдельная — для бабочек.

В первое же утро — это было воскресенье — хозяева сказали, что идут (точнее едут, хотя и пешком там не больше пяти минут) в церковь. Кто хочет, может с ними. Я ожидала активности моих спутниц. В Москве они всячески демонстрировали — мне? друг другу? — свою религиозность. У Красной площади стоит новенькая церковь. После получения американских виз они дружно направились туда.

— Майя, ты подожди нас на улице, нам надо помолиться.

Подразумевается — ты не наша. Покрыли головы платочками — иначе грех — пошли, купили карманные молитвенники, помолились, вышли удовлетворенные. Давно ли партийные билеты попрятали? Так же дружно крестились в самолете и перед взлетом, и перед посадкой. Но тут вдруг сказали, что они другой веры, очень устали и не пойдут. Я, на всякий случай предупредила хозяев:

не религиозна и вообще — нехристь. На них это никакого впечатления не произвело. Поехали мы втроем.

В церкви было неожиданно весело. Служба начинается с объявлений — какое общество, где и когда собирается. Приглашают желающих на выпуск воскресной школы: дети будут поздравлять своих учителей. По причине летних отпусков несколько следующих богослужений будут проводиться вместе с методистской церковью. Потом вышел священник — молодой, интеллигентный, на костылях. Мне на ухо объясняют: играл в волейбол, порвал связку. Прочитал проповедь. Прихожане попели гимны. В Волгограде я одно время работала переводчицей в американской миссии Церкви Христа, так что процедура была знакомой. Потом всех пригласили во двор церкви на пикник. Пастор появился уже в шортах и майке. На длинных столах разложили тарелки с кушаньями, пластмассовые одноразовые вилки, ложки. Каждый что-то приготовил дома и принес.

После церкви осматриваем город. Двести тысяч жителей, несколько административных зданий и магазинов в центре, парк, дальше — частные дома. Перед многими — американские флаги. Перед другими — клумбы или подвешены корзины с цветами. Потрясающее впечатление от

того, что все газоны подстрижены — вид совсем другой, чем у наших городков. Вывески подсвечены, стволы деревьев обсажены цветами, и вообще, кажется, что в каждый дом и в каждый кусочек земли вложена любовь. Животные не боятся людей. Дрозды, малиновки, белки, зайцы — все подходит почти к ногам.

На следующий день поехали в Кливленд на афро-американский праздник. Немного похоже на нашу ярмарку: перекрыто движение на центральной улице (почему-то улица Эвклида), где-то поют, группа в национальных одеждах призывает афроамериканцев вернуться на историческую родину — в Африку, все жуют жаренную картошку, и пьют кока-колу. Покупаю своего первого игрушечного динозавра — из тех, что наводнили Америку после фильма Стивена Спилберга «Парк Юрского периода».

Кливленд совершенно не похож на Оберлин: несколько небоскребов, несколько кварталов многоэтажных домов. Но это преимущественно конторы, магазины, банки, и дома, где живет бедное черное население. Дальше начинается одноэтажная Америка. Чем богаче семья, тем дальше от центра города она живет. Озеро Эри, река Кайохога — индейские названия, места романов Купера и Песни о Гайавате.

Ужин в ресторане. Начались наши мучения с

меню: масса названий, из которых неизвестно, чего выбирать. Просим заказать за нас. Не хотят: решения каждый должен принимать сам, даже если это всего-навсего выбор блюда на ужин.

Сэндвич или гамбургер? Со свиной, говядиной, рыбой, курицей? На гарнир капусту или картошку? Жареную, вареную, в мундире? Салат: морковь, цветная капуста, лук? Какой соус? Что будете пить? Что на десерт? В конце концов говоришь первое, что приходит в голову.

— Майя, теперь заказывай нам! — это мои спутницы. — Конечно, себе какое вкусное заказала, а нам гадость принесли!

Визит был организован с американской практичностью. В первый же вечер нам вручили программу нашего визита на все две недели. Каждый день был расписан по часам, включая визиты в больницы. Время приезда, кто координатор, какие отделения, кто ответственный. Участники ланча (он был обычно в больницах). Время отъезда. Кто забирает. Кто и где кормит ужином. Кто привозит домой. Эта программа соблюдалась с точностью до часа. С двумя исключениями. Первое было сделано ради лекции А.Н. Яковлева, который приехал в Кливленд с частным визитом. Читал по-русски с переводчиком (плохим), ничего нового не сказал, но мне было интересно слушать параллельные тексты с моей

новой «профессиональной» точки зрения. Зал заполнили наши люди — эмигранты. Вопросы задавались довольно нелепые. Даже удивительно, насколько они оторвались от нашей реальности за несколько лет. Американцы мучились: было плохо слышно и малоинтересно.

Причиной второго отклонения от программы были мы сами. Ближе к концу поездки устали от бесконечной череды больниц, поликлиник, постоянного сопровождения, и попросили свободный день — просто походить по улицам. К тому времени мне порядком надоела роль переводчика, ведь расслабиться нельзя ни за едой, ни в гостях, ни по дороге. Поэтому я отдалилась от своих спутниц в первые же минуты свободы. Я хотела позвонить домой — накануне от папы не было условленного звонка, и я хотела узнать, все ли в порядке. Проще всего было позвонить из дома, но тогда заплатили бы хозяева, а мы и так периодически злоупотребляли их гостеприимством. Я решила быть независимой и тут же почувствовала разницу между гостем, которого водят за руку, и просто чужестранцем.

Следующие два часа я бегала вокруг телефонного аппарата, из которого, как из черного ящика, надо было неизвестно как получить папин голос. Начала с того, что зашла в отель и спросила у девушки в столе справок, как позвонить в Россию?

Она с готовностью достала толстенный справочник, нашла международный отдел и выяснила, что такой страны нет. Может быть СССР? Тоже нет. Советский Союз? Опять нет.

— Как же мне быть?

— Пройдите в здание телефонной компании штата Огайо, там помогут.

Еще полчаса на поиски здания, стойка, девушка, тот же справочник и тот же результат: такой страны нет.

— Вам надо подойти к любому уличному автомату и бесплатно позвонить диспетчеру, он поможет.

Звоню.

— Я могу вам помочь?

— Да, сэр! Мне надо позвонить в город Волгоград Россия.

— Набирайте то-то и то-то, а потом код страны и код города.

Трубка повешена. Набираю еще раз.

— Я могу вам помочь?

— Да мэм! Какой код России?

— Семь.

— Благодарю вас.

Набираю. В автомате щель для денег, туда надо опускать металлические квотеры — четвертинки доллара. У меня таких монет пять. Опускаю все. Голос диспетчера:

— Куда вы звоните?

— Я звоню в Россию, город Волгоград!

— А сколько денег вы заплатили?

— Доллар и двадцать пять центов.

— Вы знаете, первая минута разговора с Россией стоит четыре доллара.

Трубка повешена. Квотеров у меня больше нет. Есть десятидолларовая бумажка. Снова к девушке за стойку: как мне разменять десять долларов на квотеры?

— Вам надо пройти в банк.

Но я же не дура — идти в банк из-за десяти долларов. Прошу прохожих — они от меня шарахаются. И я пошла кругами, покупая там пакетик чипсов за 50 центов, там мороженое за 30, там орешки за 25. Сдачу просила давать квотерами. Периодически подходила к бордюру, раскладывала кучки своих монет и убеждалась что еще мало.

Последняя банка пепси-колы, еще два квотера. Кажется, сходить в банк было бы проще и дешевле. Наконец, готово. Контрольный звонок диспетчеру, чтобы не было еще каких-нибудь неожиданностей. Набираю номер. Засовываю в щель все монеты, даже с запасом. И слышу папин голос:

— Майка! Ты откуда?

— Я из Кливленда.

И тут вмешивается диспетчер:

— Куда вы звоните?

— В Россию.

— А сколько вы заплатили? Первая минута разговора стоит четыре доллара!

— Мэм, я заплатила даже больше, у меня было десять долларов квотерами, я опустила почти все, у меня осталось 75 центов!

— Не может быть. Мой компьютер показывает 3 доллара 15 центов.

Я от растерянности опускаю в щель последние три монеты.

— А теперь сколько?

— Теперь 3 доллара 90 центов, а первая минута разговора стоит...

Папа потом говорил, что не понял, почему я позвонила ему, а разговаривала все время по-английски и с кем-то совсем другим. Кое-как я успела ему прокричать, что все в порядке, и в следующий раз я позвоню из Москвы. Вероятно от волнения я слишком быстро побросала в автомат все свои монеты, и компьютер не успел сосчитать.

Поликлиник и больниц мы повидали много, тут уж хозяева постарались: от маленькой поликлиники в Оберлине до гигантской Кливлендской клиники, которая занимает несколько кварталов и где делают все, включая пересадку сердца. В богатых частных больницах все наши встречи и экскурсии проходили, как по

маслу, в больницах с частичным государственным финансированием могли возникать мелкие нестыковки, в поликлиниках для бедного черного населения случались чисто российские ситуации: кабинет главного врача внезапно оказывался заперт, кто же мог унести ключ? Где найти этого человека? и т. д. Там же (но только там) попадались изрезанные сидения стульев и вонючие туалеты. По уровню же оснащённости эти поликлиники для бедных были богаче любой нашей городской больницы.

Многие наши вопросы в Америке оказывались бессмысленными. Сколько у вас больных на одного врача? Они не знают. Хорошо, сколько врачей у вас в штатном расписании? У нас вообще нет врачей в штате. Но врачи у вас в больнице есть? Разумеется. В конце концов выяснили: врачи принимают, и обследуют, и лечат своих больных в частных кабинетах. Когда доктор считает, что больного нужно госпитализировать, он выбирает больницу, кладет его туда, и сам ходит его лечить. Когда больной выписывается, врач перестает туда ходить, пока не госпитализирует следующего больного. Конечно, не все больницы работают по такому принципу, но мне он понравился. По крайней мере больного на разных этапах не лечат разные врачи, причем каждый советует что-то иное.

Еще из наших вопросов: бывает что врач

получает не чек, а наличные? Бывает. Он должен платить с них налоги? Конечно. А он может получить например 100 долларов, а налоги заплатить с 80? В ответ — изумление: как это??

Ординаторских в нашем понимании практически нет. Есть врачебные кабинеты — у каждого свой или один на двоих, если часы работы не совпадают. В каждой больнице или поликлинике библиотека. В каждой местной библиотеке — компьютер с выходом в интернет. Любая справка или свежая статья доступна на любом рабочем месте.

В больницах бросается в глаза обилие пустых коек и персонала. Первое объясняется давлением страховых компаний: пребывание в больнице очень дорого, каждая из них для привлечения клиентов покупает самое современное новое дорогое оборудование, потом его надо окупать, увеличивая цену различных медицинских услуг. Поэтому каждый день в стационаре — большой риск того, что страховая компания сочтет его излишним и не оплатит.

Что касается персонала, то я так и не поняла, что они все делают. Общий стиль: никто не суетится, не бегают, не спешит, и не кричит. И это не только в больницах, это везде. Заходишь в магазин, тебя встречает широкая улыбка продавца: хай! (привет). — Я могу помочь или вы просто

смотрите? Мы, разумеется, просто смотрим. Выходишь из магазина: бай! (пока). Счастливо! Магазины забиты китайскими товарами.

Почти все в переводе на наши деньги дороже, чем у нас. Масса ценников кончается цифрами 99: \$18,99. Есть уцененные товары. Есть майки, которые продаются парами или тройками: скажем покупаешь две, третью дают бесплатно. Одну я чуть не купила: красивая, примерила — подходит, и вторую давали бесплатно. А на этикетке написано: сделано на Украине. Еще не хватало везти через океан украинскую майку. И я ее повесила на место. Есть магазины, где продается все, что стоит один доллар. Там мы преимущественно и отоваривались.

Улыбаются официанты в ресторане, с ними часто болтают. Их основной заработок — чаевые, которые обычно дают в размере 15 % от суммы счета. Улыбаются медсестры в больницах, среди них почему-то особенно много очень толстых и низеньких, как колобки. Как будто их на работу принимают по размеру. Вообще очень много толстых. На всех фотографиях — служебных, любительских — улыбающиеся лица, причем это выглядит естественно. Водители очень внимательны друг к другу на дорогах: если видят что кто-то спешит — пропускают.

Каждый день мы бывали у кого-нибудь дома. Эти дома очень разные. Наш был ухоженный,

чуть-чуть чопорный, где сразу чувствуешь что надо вести себя прилично. В другом доме, где живут жена — психолог и муж — пенсионер — на трех этажах разбросаны каморки, кладовки, комнатки, закутки; на всех стенах висят какие-то картины и чьи-то фотографии, все заставлено и завалено книгами, в одном закутке подрамник с незаконченной картиной, в другой комнате — открытое пианино с раскрытыми нотами: тут я музицирую, а вот это наша спальня! На кровати валяются джинсы, кем-то наспех содранные с себя и вывернутые наизнанку. Никому даже не приходит в голову извиняться или испытывать неловкость: мы так живем!

Еще один дом. Она — филолог, он — инженер. Этим лет по 37–38. Кипы газет с подчеркнутыми словами, чем-то заинтересовавшими хозяйку. Ужин готовил муж, он это обожает. Приносят альбомы по архитектуре, ставят хорошую музыку, тащат дорогие напитки — попробуйте вот этот коньяк, вот это вино! Но у нас с утра были две больницы, и уже десятый час, и больше часа ехать домой, а с нами за столом сидит и засыпает Ховард, которому предстоит нас везти и который охотно пробует все, что предлагают.

После какой-то замысловатой фразы я вспоминаю маршаковское «Дом, который построил Джек» и пытаюсь перевести его на английский.

Хозяйка узнает и удивляется: довольно глупый детский стишок, чем он мог меня привлечь?

Выходные провели на даче на озере Эри. Дача, разумеется, с тремя спальнями, тремя, соответственно, ваннами, гостиной, столовой и огромной верандой, застекленной от пола до потолка с трех сторон. Вид на озеро. Шторм, белые барашки, дождь, ветер. Сидим на веранде в мягких креслах. Розовое вино, картофельные чипсы, сыр. Собака у ног.

После дождя нас водят по территории дачи. Здесь причал, там живут змеи (с ними я познакомилась поближе на следующий день, когда полезла купаться — длинная узкая проплыла мимо ноги и высунула головку). Здесь два раза в день проплывает утка с утятами. Сюда около восьми вечера прилетает цапля. Это кормушка для бабочек, в неё наливаем воду с сиропом.

И снова подстриженная трава, в доме ковровое покрытие, обувь никто не меняет. Остров около канадской границы, в нескольких местах стоят два флага рядом. Показывают на другой остров, он уже в Канаде. И никаких признаков пограничной зоны, хоть плыви в Канаду на лодке.

Один раз побывали на вечере, посвященном всем городам-побратимам Кливленда. Большой зал, по периметру столики с едой и напитками. Венгры, поляки, чехи, французы, японцы. На столах

флажки. Между столиками ходят музыканты. Вы откуда? Из России. Нам играют «Полюшко-поле», «Катюшу». Переходят к венграм — исполняют чардаш. Идут еще к какому-то столику. «Подмосковные вечера». Беру бокал иду туда:

— Добрый вечер! Здесь кто-нибудь говорит по-русски?

В ответ — на чистом русском языке:

— Нет, мы не говорим.

Среди сидящих за столом вижу знакомую. Накануне она возила нас по магазинам, одна из наших дам хотела купить шубу, и с изумлением обнаружила, что это не просто дорого, а очень дорого. Лора — украинка, родители привезли ее сюда, когда ей было пять лет. Здесь она получила образование, юрист, богата. Она выручает. Оказалось — славянский эмигрантский стол, люди привезенные из России, Польши, Литвы, Манжурии в детстве и отрочестве. За этим столом пили заметно больше, чем за другими. Уже выпив, подошли, наконец, к нам поговорить. Одна из них в сентябре должна приехать в Волгоград. Она присела рядом со мной и закурила:

— Майя, русская эмиграция 15-летней давности и сегодняшняя — это разные эмиграции. Раньше ехали трудяги, они вгрызались в эту жизнь, они всего добивались, они давно и хорошо устроены. Сейчас едет шваль. У них полно денег,

они набиты долларами. У них свои счета друг с другом. Раньше мы знали, что есть итальянская мафия. Если они хотели кого-то убить, они приходили в переполненный ресторан и убивали только его. Ваши взрывают машину, квартиру, весь ресторан целиком, и им плевать на людей, которые оказались рядом. Они же попадают в магазинах на грошевых кражах: сопрут еды на 12 долларов и идут за это в тюрьму.

Оркестр играет теперь для всех. Пауза. Торжественные речи — минут на пять. Сегодня годовщина высадки десанта во Франции.

— У нас гости из Франции! Поприветствуем их!

Марсельеза. Все встают. Опять музыка, пьют, едят, разговаривают. Ответное слово гостей. Спасибо американцам, собравшим нас здесь, спасибо Америке! Играют «Америка, Америка», все встают и поют. У нас трое гостей из России. Нас называют по именам. Встаем. Поприветствуем их! Аплодисменты. Потом танцы. Часов в 11 все разезжаются.

Другой торжественный вечер — прощальный для нас. Более узкий круг: только те, кто занимается связями с Россией. Снова эмигрантский стол. Леон из Харькова — скрипач кливлендского оркестра, его жена — юрист. Уехали 12 лет назад. Прижились. Сыну 27 лет, он так и не прижился.

Собирается в Москву — на экскурсию, у родителей болит душа.

Я рассказываю историю: в Москве у американского посольства познакомилась с молодым человеком, он попросил в Кливленде позвонить своей знакомой Юле, и передать письмо. В первый же день я позвонила. Где мы можем встретиться в центре Кливленда? Юля никак не может придумать такого места. У меня программа на две недели может быть вы подойдете к нам? Пожалуй, у Юли не будет свободного времени. На этом месте рассказа соседи по столику меня перебивают: наверное она попросила отправить письмо почтой? Так оно и было, но я не поняла, почему? Все жалуются, что письма из России и в Россию доходят плохо, я могла бы взять ответное письмо и бросить в ящик в Москве.

Мне объясняют: мы не любим встречаться с людьми, которые сейчас приезжают из России. Они недовольны жизнью там, но и здесь им тоже все не нравится. Они ждут, что мы им будем что-то покупать, делать подарки, продавать какое-то старье, которое они привозят из дома, надеясь получить за это доллары. Мы ссоримся с друзьями, с родными, которые остались там. Тем более незачем встречаться с незнакомыми.

В это время меня предупреждают, что через пять минут нам дадут слово для короткой речи.

Договариваемся: Светлана говорит, я перевожу. Мир, дружба, обмен людьми, информацией, идеями. Приезжайте к нам, мы будем так же гостепреимны, как вы... Перевожу. Вдруг всеобщий хохот. Оказалось, я перепутала две буквы в слове, и вместо «гостепреимными» получилось «злобными, злорадными». Бывает.

Светлана закончила. Прошу разрешения добавить несколько слов от себя. Благодарю Ховарда. Благодарю хозяев — Марджори и Флойда. Встает Флойд говорит что мы очень хорошие люди. Спасибо! — кричу ему через весь зал.

И кончилась моя Америка. Ночь в мотеле, день в Вашингтоне: жара, все поголовно в шортах, цветущие магнолии, снова белки с дроздами, Белый Дом, вдалеке Капитолий, в другой стороне аэропорт Даллес. У стойки Аэрофлота мне наступили на ногу, я улыбнулась, чтобы сказать, что все в порядке, но извинений не последовало. Началась родина.

ГЛАВА 2

ЭКЗАМЕНЫ

Ну что, пробуем?

Спустя полгода после моей двухнедельной поездки в США я сидела в номере гостиницы «Жирновск» в районном городке с таким же названием. Моей соседкой была Людмила — невропатолог из нашей сборной бригады врачей, приехавшей по договору с богатой местной нефтедобывающей организацией осматривать и лечить их сотрудников. У Людмилы брат с женой живут в Америке. Она несколько раз гостила у них, как-то даже неофициально работала няней в американской семье.

Я рассказывала про Америку.

— А ты бы хотела там работать? — спросила она.

— Не знаю, — сказала я, — попробовала бы с удовольствием. Получить бы какую-нибудь стажировку на полгода. А работать по настоящему все равно нельзя. Они не принимают наши дипломы.

— Ехать на стажировку не имеет никакого смысла, — возразила Мила. — Ну, съездишь. Хотя тебе её никто не даст. Но допустим. Убедишься, что там лучше. Вернешься. Ты сможешь что-то изменить, чтобы здесь было как там? Вспомни, с каким чувством сюда возвращаются даже после московских специализаций. И еще никто ничего здесь не улучшил.

Я вспомнила свою коллегу, окончившую

клиническую ординатуру в московском кардиологическом центре. Все предложения о работе там после ординатуры начинались и заканчивались вопросом: «Вы — москвичка?». Без прописки остаться в столице нельзя. Конгда она вернулась, ей показалось, что она переместилась не в пространстве, а во времени. Назад.

— А знаешь, существует система сдачи экзаменов на американский врачебный диплом. Их принимают, кажется, раз в год в центрах при посольствах США. Не уверена, что во всех странах, но в некоторых — это точно. Правда, это довольно трудно и дорого стоит. Но если тебе сейчас особенно нечем заняться — почему бы не попробовать?

— Но если окажется, что в России их не принимают?

— А ты не можешь себе позволить раз в год смотаться в Польшу или Чехословакию сдать экзамен? На что ты, собственно, сейчас зарабатываешь? Или деньги чего-нибудь стоят сами по себе?

Мысль показалась соблазнительной. «Мне надо съездить в Европу сдать экзамен». Почти Жванецкий: «Мне в Париж по делу срочно...». Вернувшись из Жирновска, я поделилась с подружкой, которая работала вместе со мной в кардиореанимации городской клинической

больницы. Она загорелась:

— Я поеду с тобой!..

Через шесть месяцев мы с Лерой сели в поезд Москва — Будапешт. Я ехала сдавать первый этап — медицинскую теорию: анатомию и патанатомию, физиологию и патофизиологию, микробиологию, генетику, фармакологию и поведение человека. Точнее, я ехала проваливать экзамен, прекрасно понимая, что за полгода подготовки по устаревшим учебникам на английском языке, одновременно работая на основной и дополнительных работах, достичь приличного уровня я не могла.

Учебниками меня снабдила Людмила. Когда-то их привезла из Штатов для себя, но заниматься не смогла: муж и ребенок не сочетались с подготовкой к экзаменам. После того разговора в гостинице я притащила от неё тяжеленную кошелку с целыми книжками, ксерокопиями книжек, отдельными частями книжек; все приобреталось по дешевке, в студенческих общежитиях, путешествовало через океан, валялось невостребованным на антресолях. Между страницами сохранились записки прежних владельцев с американскими, корейскими, немецкими именами, приглашениями на выпускные вечера и обеды десятилетней давности.

Я послала запрос в американское посольство в Москве, но они передали мое письмо в какой-то